

1.

Она давно уже не обращала внимания на зевак, на удивленные, восхищенные или завистливые взгляды тех, кто окружал ее в московских пробках. Она крепко держала руль своего автомобиля, белого, открытого, и наслаждалась тем, как легкий ветерок развеивал ее длинные светлые волосы, приятно охлаждал лицо. Она давно уже жила в своем мире, где ей было комфортно, хорошо и где она точно знала, что ей нужно от этой жизни и что она может дать этому миру сама.

Мысленно она отгородилась ото всех прозрачным куполом, который сотворила сама и куда практически никого не впускала. Единственный человек, которого она готова была принять в свою жизнь и любовь к которому согревала ее и придавала сил, был очень далеко. Если и вообще был. Быть может, она придумала его сама? Очаровалась им? Все может быть. Но пусть даже придуманный, он наполнял ее жизнь смыслом.

Иногда рядом с ней опускалось стекло какой-нибудь машины, и она слышала очередное предложение или пошлый комментарий. Это были мужчины, особое племя людей, которых она не

понимала и считала существами низшего порядка. Конечно, были и исключения, и она воспринимала их как особую касту. Это были талантливые, наделенные особыми способностями и душой личности, и многие из них входили в ее близкий круг, четко очерченный ею. Но их было так мало!

В тот день на ней была белая шелковая блузка, поверх которой она набросила голубой джемпер. Голубые джинсы, белые мокасины. В ушах — яркая бирюза серег, на пальцах — бирюза, оправленная в золото. День был солнечный. Хотя и ветреный.

— Как ты, Лора? — Она повернулась и подмигнула собаке, черному коккер-спаниелю с шелковистой, блестящей на солнце шерстью. Расположившись на заднем сиденье, Лора послушно переносила пробку и мысленно, наверное, злилась на всех тех, кто забил машинами широкий проспект.

— Хочешь арию Царицы ночи?¹ — спросила Зоя и, не дождавшись ответа, включила Моцарта. Тихо, чтобы не дразнить всех тех, кто слушал поблизости режущую ухо попсу.

Сколько еще продлится это мучение? Может, книжку почитать? Карола Агаи² выводила свои трели не хуже соловья.

¹ Царица ночи — персонаж оперы Моцарта «Волшебная флейта».

² Карола Агаи — венгерская актриса.

Зоя прикрыла глаза, и почти тотчас Царица ночи словно споткнулась, трели начали искажаться и вот на самой высокой ноте оборвались, уступая место хриповатому, с эстрадным душком, голосу, который выводил пошловатый текст...

Она распахнула глаза и увидела перед собой грязное, поливаемое дождем ветровое стекло, за которым тянулась серая, в сельских декорациях дорога. Зоя тряхнула головой, снова закрыла глаза и открыла их. Пейзаж не менялся. Она осторожно повернула голову и увидела сидящего на водительском месте мужика. Недельная щетина на впалых смуглых щеках, крупный нос, во рту сигарета. На нем была зеленая куртка, худую шею обнимала горловина серого шерстяного свитера. Салон старого, местами в проплешинах синей изолянтки автомобиля заполнялся горьким табачным дымом и вульгарной музыкой.

— Где я?

Мужик, бросив на нее унылый взгляд, хмыкнул и покачал головой:

— Очнулась... Ты кто такая-то? — Голос был неприятный, гнусавый.

— Я?.. — Зоя осмотрелась. На заднем сиденье сидела белая кошка. Зеленые ее глаза глядели на нее встревоженно. — А ты кто?

— Олег.

— И что? Куда мы едем?

— Домой, куда же еще?

— Куда домой? К кому домой?

— Ты чокнутая, что ли? Ко мне домой, конечно!

— А как я оказалась в твоей машине?

— Ну ты, мать, сбрендила окончательно! Что, крышу сорвало?

— Останови машину. Немедленно!

— Да, прямо сейчас и остановлю. А потом кто заводить-то будет? Ты, что ли?

Она ничего не понимала. Совсем.

— Мы знакомы?

— Ну, если ты скажешь мне, как тебя зовут, то будем считать, что мы знакомы.

Она силилась вспомнить свое имя, но так и не смогла.

— Я не знаю...

— Говорю же — крышу снесло! Капитально!

— Как я оказалась здесь?

— На дороге подобрал. Валялась, как труп, блин. Я вообще думал, что не довезу тебя. Но, слава богу, очнулась. Откуда ты такая?

— Ниоткуда.

Зоя была так слаба, что даже говорить не было сил. Голова страшно болела. Она потрогала ее руками — вроде бы раны нет, крови тоже. Слабый аромат духов начал было продвигать ее сознание куда-то вглубь, в какой-то цветной тоннель, но очень скоро все оборвалось.

— Где мы?

— В России, мадам. Вы — в России. Такой ответ вас устроит?

— Ты дурак, что ли? Я спрашиваю, где именно мы находимся?

— Вот приедем в деревню, и увидишь. Километров пять еще ехать.

Она замолчала. Какая еще деревня? Что она здесь делает?

Она осмотрела себя. Красный свитер, джинсы, кеды. Все старое, грязное. Страх душил ее. Куда ее везут? Что еще за деревня?

Он не ответил. Мужик, который назвался Олегом, молча крутил руль, лавируя между рытвинами. Машина — Зоя уже поняла, что это старый «Москвич», — подпрыгивала на кочках, а иногда колеса увязали в глубоких, полных воды лужах.

Указатель, синяя табличка с белыми буквами, показался Зое каким-то нереальным, словно указывающим в призрачную деревню Черная. Может, это все-таки сон? Она захлопала глазами. Потом слегка ущипнула себя. Нет, проснуться не удалось. Она вытянула руки и принялась рассматривать пальцы. Белые поперечные полоски на пальцах указывали на то, что когда-то она носила кольца и что где-то успела хорошенько загореть.

Промелькнул кадр в большой памяти — большой голубой камень на пальце. И все исчезло. Что это за камень? Бирюза?

— Отвези меня в полицию, — сказала она и напрыглась. Потому что от ответа могло зависеть многое. В полиции ей помогут, хотя бы попытаются помочь. А может, отправят в больницу, где ей вернут память. Сколько уже таких историй случилось! Люди без памяти — беспроектный сюжет любого телевизионного шоу. Губы ее тронула горькая усмешка — она тоже может стать героиней такого вот шоу, и люди будут пялиться на нее и вспоминать, не пересекались ли их пути с этой

девицей с безумным взглядом и в красном свитере.

— Неа, не отвезу. Ты мне самой годишься.

— В смысле? — У нее от страха свело живот. — Ты чего говоришь-то?

— Да нет! Не бойсь, я не в том плане. Я не сильник какой. Просто поможешь мне, ну, как баба. Приберешься в доме, пожрать сготовишь.

— Слушай, ты лучше высади меня здесь, ладно? — Она попыталась говорить с ним мирно.

— Да мы уж приехали! Вот если бы раньше мне сказала, я бы, может, и высадил. А сейчас чего? Говорю ж — приехали.

Машина запрыгала по ухабам по довольно широкой деревенской улице, замелькали крыши домов, зеленые мокрые сады, аккуратные участки с грядками.

Она вдруг подумала, что самое важное для нее сейчас — это набраться сил. Он везет ее к себе домой. Вот там она сделает вид, что у нее сил нет совсем и, типа, потеряет сознание. Тогда ему ничего другого не останется, как уложить ее в постель. Может, она сразу уснет, а если нет, то попросит хотя бы хлеба. Надо восстановить физические силы, а уж с головой она как-нибудь разберется.

Машина остановилась перед деревянными воротами, Олег вышел из машины и распахнул их. Вернулся в машину, мотор которой продолжал работать, и въехал в просторный, хотя и захламленный двор. Закрыл ворота.

— Я не могу идти, — сказала она чистую правду. Хотела соврать, что сил нет, а оказалось, что на самом деле не может идти.

— Ну ладно, — Олег невозмутимо вытащил ее за руки из машины и, как мог, неловко поднял и понес к крыльцу.

Дверь дома, серого, старого, неказистого, с голубыми наличниками, он открыл ногой. Внес Зою в темные, пропахшие плесенью и керосином сени, посадил на какой-то сундук, быстро открыл тяжелую деревянную дверь, выкрашенную рыжей масляной краской, и снова поднял на руки. Внес в маленькую, без окон комнатку и опустил на кровать. Ноги ее, неподвижные, уложил поверх голубого покрывала, прикрыл ватным пестрым одеялом.

— Ну ты, это, лежи... Я чайник согрею. Ты голодная?

Она кивнула головой. Что с ней? Почему тело ее не слушается? Но она точно не парализована, в машине-то она двигалась. Значит, не так уж все и страшно.

— Олег, постой...

Он вернулся, посмотрел на нее, обхватив большим и указательным пальцами правой руки свой заросший подбородок.

— Да не спрашивай ты меня ни о чем, не знаю я! — наморщив лицо, сказал он. — Подобрал на обочине, минут сорок тому назад. Больше я ничего про тебя не знаю.

— Может, ты мне врача вызовешь?

— А что с тобой не так? Руки-ноги целы, ты, это, стресс пережила, вот тебя и забуратило.

— Что-что?

— Ну, ты как буратино стала, не гнешься. Все пройдет.

— Я теперь, типа, в плену? — Она перешла на его язык. — Типа, да?

— Некогда мне с тобой! Вижу, что полы здесь мыть ты еще не скоро сможешь, а это значит, что мне теперь еще придется тебе картошку или яйца жарить, чтобы ты тут окончательно не очоурилась.

— У тебя сердца нет, — попробовала она звать к его душе.

— Это у вас, у баб, сердца нет.

С этими словами он вышел из комнаты, и Зоя, лежа с закрытыми глазами, пыталась представить себе, чем хозяин этого убогого жилища занимается там, в большой комнате и на кухне.

Судя по звукам, он где-то лил воду, может, в доме нет воды, и он наливал из ведра, предположим, в миску или кастрюлю. Потом по дому поплыл запах жареных яиц. И в какой-то момент стало очень тихо. Зоя начала считать, потом сбилась со счета и на некоторое время уснула.

Открыла глаза — Олег тербил ее за плечо.

— Вот, — он протягивал ей стакан с молоком. — Правда, холодное, из холодильника, соседка дала в долг.

В мозгу сверкнула молния и осветила картинку: белая кухня, на плите кастрюлька с молоком, и звучит детский смех...

— Катя... — прошептали ее губы.

— Что, вспомнила, как тебя зовут? — Он принял из ее рук пустой стакан. Зоя вытерла губы ладонью и снова откинулась на мягкие подушки.

— У меня кольца были, — сказала она и тут же предположила: — Золотые.

— Дура, я не вор, поняла? Еще раз что-нибудь подобное скажешь — выставлю на улицу. Прямо под дождь. А ты и так больная вон какая, схватишь воспаление легких и останешься умирать где-нибудь в луже.

Перспектива безрадостная.

— Ладно, извини.

— Сейчас яйца принесу.

Она съела яичницу из двух яиц, слегка подгоревшую, но оттого показавшуюся очень вкусной. Попросила еще молока, выпила.

— Ты поспи, а я, того, тоже прилягу отдохнуть.

Зоя после ужина снова уснула.

2.

— Ты вообще-то представляешь себе, сколько мы уже вбухали в твою балетную школу? Герман Иванович только и делает, что платит за твою учебу, твои наряды. А у нас тоже дети есть, между прочим, и их обучение стоит сама знаешь сколько. Лондон — как прорва, все сжирает.

Она хотела сказать им, что их мальчишки-близнецы там, в далеком Лондоне, наверняка тратят эти деньги на выпивку да девчонок. Она судит по тем видео и фотографиям, которые Егорка и Влад присылают ей на Фейсбук или электронную почту. Знают, шельмы, что она их не предаст, не выдаст. Они нормальные пацаны, добрые, да несерьезные.

Осиротев после смерти матери, Зоя переехала из своей квартиры к тете Ире, родной сестре мамы. Квартиру тетя Ира сразу же сдала квартирантам, а Зою поселила в маленькую комнатку рядом с комнатой своих сыновей-близнецов. Целый год Зоя привыкала и к тому, что осталась одна, без мамы, и к семье тети, с которой была слегка знакома, так как мама не очень-то роднилась с сестрой, и к квартире, где все было чужое и где она боялась до чего-либо дотронуться. Тетя Ирина и ее муж Герман Иванович относились к ней хорошо, заботились о ней, особенно же старались накормить как следует, но для нее важным было другое — занятия в частной балетной школе, где она к тому времени уже проучилась целый год. Занятия были дорогими, но Герман Иванович прямо на поминках, где собрались все их друзья и родственники, торжественно пообещал выучить «племяншку» в школе и постараться помочь ей при поступлении в нормальный вуз.

Зоя же себя в нормальном вузе не видела. Ей неинтересно было ничего, кроме танца. Безусловно, незрелая в своих планах и фантазиях, она видела себя только на сцене, весьма смутно представляя весь путь танцовщицы от учащейся хореографического училища (куда не поступила) до примабалерины Большого театра. И напрасно тетя Ира внушала ей мысль о том, что ей нужно получить нормальное образование, получить специальность.

— Я — танцовщица, — говорила она, собирая свой рюкзачок, набивая его до отказа: майка, по-

лотенце, пуанты, моток пластыря, гель для обезболивания, коробочка со шпильками.

— Это не профессия, — увещевала ее тетка, — а так, одно баловство. Кем ты будешь, чем будешь заниматься? Танцульками? Они же не прокормят тебя, а мы с Германом Ивановичем...

Ей было уже двадцать, до окончания балетной школы оставался ровно год, и упреков со стороны родни становилось все больше и больше. Конечно, больше всех Зое доставалось от тети Иры. Если не попрекала балетной школой, так начинала озвучивать суммы, которые тратились на ее пачки, пуанты, купальники, даже сетки для волос! А ведь все это стоило не так уж и дорого, если учесть те деньги, что семейство получало от аренды маминой квартиры. Когда же Зоя попробовала заявить, что хочет жить самостоятельно, в своей квартире, в семье произошел скандал, тетя Ира быстро поставила ее на место, заявив, что несет ответственность за нее перед покойной сестрой и что, пока Зоя не станет зарабатывать сама, ни о какой самостоятельности не может быть и речи. Герман Иванович во время этих ссор все больше отмалчивался или тихо поддакивал жене.

— Зоенька, дочка, да успокойся ты уже! Занимайся своими танцами, а там видно будет, — говорил он ей, когда они оставались одни дома. — Не обращай внимания на Ирочку, она же тебе только добра желает.

Зоя все чаще стала ночевать у подружек, которые жили кто в общежитии, а кто на съемных квартирах.